

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

УДК 809.442.1

А. В. Байдак

АНАЛИЗ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ГНЕЗДА КАК ОДИН ИЗ ПРИЕМОВ ИССЛЕДОВАНИЯ КОНЦЕПТА 'СМЕРТЬ' В СЕЛЬКУПСКОМ ЯЗЫКЕ

В данной статье автор использует анализ словообразовательного гнезда слов со значением 'смерть' в качестве одного из приемов выявления признаков одноименного концепта. Исследование проводится на материале селькупского языка.

Ключевые слова: словообразование, словообразовательное гнездо, селькупский язык, концепт 'смерть'.

Данная статья является частью исследования средств вербализации концепта 'смерть' в селькупском языке. Для исследования концептов в лингвистике существует множество приемов и методов. К традиционным методам описания концептов относятся: анализ ключевого слова, вербализующего концепт [1], анализ словарных толкований единицы, осуществляющей базовую вербализацию концепта [2], изучение многозначности ключевого слова – репрезентанта [1], анализ пословиц и поговорок, в которые входит базовая лексема-репрезентант [3], анализ контекста и т. д. Наряду с традиционными методами, в лингвистике используются также нетрадиционные экспериментальные методы, заимствованные из других научных дисциплин, в частности психологии, например ассоциативный эксперимент. Менее разработанным приемом является анализ словообразовательного потенциала ключевого репрезентанта концепта [4]. На материале селькупского языка такое исследование проводится впервые.

Целью данной статьи является выявление признаков концепта 'смерть' на основе анализа словообразовательного гнезда со значением 'смерть' в селькупском языке. Автор придерживается точки зрения, согласно которой наличие словообразовательно маркированных элементов языка подсказывает исследователю, что именно в языковом сознании народа является важным, поскольку сам выбор того или иного явления действительности в качестве объекта словообразовательной детерминации свидетельствует о его значимости для носителей языка. По мнению Т. И. Вендиной, словообразовательно маркированная лексика – это не бессистемные образования, а сознательное и направленное творчество. В языке как в «духовной памяти» народа семантически и словообразовательно маркируется то, что имеет практическую ценность в его

повседневной жизни. Словообразовательно детерминированная лексика дает возможность проникнуть в механизм сложного процесса познания и интерпретации мира человеком [5, с. 45–47]. Применение словообразовательного анализа в этнолингвистике открывает широкие перспективы в разработке проблемы реконструкции языковой картины мира того или иного этноса.

В селькупском языке в образовании гнезда со значением 'смерть' участвует лексическая основа *-qu*.

Большую группу слов, образованных от данной основы, составляют глаголы, образованные с помощью суффиксов различных совершаемостей (способов действия). Суффиксы совершаемостей не всегда модифицируют лексическое значение глагола, иногда они ведут себя лишь как маркеры времени при основе, сохраняющей свое лексическое значение. В рамках данной статьи рассматриваются в основном случаи, когда суффикс совершаемости модифицирует лексическое значение глагола.

Производящим корневым глаголом является непереходный глагол несовершенного вида, имеющийся в селькупских диалектах в разных фонетических вариантах: об. ш, тым., вас. *ku-gu*, тур. *ku-qa*, таз. *qu-qa*, кет., ел. *qu-gu* 'умереть, сдохнуть, пропасть, погибнуть'. Приведем примеры употребления данного глагола в предложениях: таз. *na qumyt muntyk qujatyt* 'Эти люди умерли' (Diese Leute gingen ganz zugrunde); *mat kypal'a eptäkäk äsämy qumpa* 'Я маленькая была, мой отец умер' (Als ich klein war, starb mein Vater); Вольд. *tabyn moyondi čačembadyt, tab qumba, elle al'timba* 'Они в спину стреляли, он умер, упал'; Нельм. *na qut, iral qula qumbadyt, čul karamodyt kalymba* 'Те люди, древние люди умерли, земляное карамо-их осталось'; *mannan ažam qumba* 'У меня отец-мой умер'; Ласк. *tab kuğa keŋ äramble* 'Он умер в глубокой старости (букв. сильно состарившись)'; Ив. *manan*

kōtiŋ el'madlam eza, tet qumbadyt, muktyt qalymbadyt 'У меня много детей было, четверо умерли, шесть осталось'; УО *pondan man eβem kūsan* 'В прошлом году моя мать умерла'; ЮШ *ewyt qūdemba, qumba, šidy nedy qalymbady* 'Мать болела, умерла, две дочери остались'. Глагол *kugu* может сочетаться со вспомогательным глаголом *olamgu* 'начать, собратся', в результате чего образуются инхоативные (начинательные) корреляты глаголов совершенного вида [6, с. 228], например: таз. *tuntyk qumyt qūtüllä qiqolamnatyt* 'Все люди, заболев, умирать начали' (Alle Leute begannen erkrankend sterben).

В тазовском диалекте от основы *qu-* с помощью показателя мультисубъектной совершаемости *-qylōly-* образовался непереходный глагол *qu-qylōly-ḡo* 'поумирать (многим)' [6, с. 226]. В южных диалектах ему соответствуют глаголы кет. *qu-gyl-gu*, Нельм. *ku-yily-gu* (показатель мультисубъектной совершаемости *-gyl(y)-/-yel(y)-*). Глаголы мультисубъектной совершаемости обозначают действие, одновременно осуществляемое многими однородными субъектами. Приведем примеры: УО *βes qula taβ et'i quqylyzat* 'Все люди этой деревни поумирали'; Нельм. *manan βes kuḡylymbad, šedeja kalymynd elle, okkyr im, okkyr ned* 'У меня все поумирали, двое живы остались – одна дочь, один сын'; Вольд. *na edeyyt qut quyelembadyt* 'Все люди в этой деревне умерли'. Показатель мультисубъектной совершаемости *-gyl(y)-* может сочетаться с показателем инхоативной совершаемости *-ely-*: Вольд. *kožar onž piyemdy quden adylzembyḡad, nelqut βes' el'matese quyelelyssadyt* 'Мамонт себя людям показывать стал, женщины с детьми умирать начали'.

Непереходный глагол интенсивно-перфектной совершаемости таз., тур. *qu-l'cy-ḡo*, кет. *qu-l'di-gu* 'умереть мгновенно, сдохнуть' образуется от глагола *kugu* на севере с помощью суффикса таз. *-l'cy-*, на юге *-l'cy-/-l'di-*. Нельм. *čβεčon ketkaut, šepka qul'čka* 'Об землю ударяем – бурундук (сразу) умер'. Данный глагол, как и другие глаголы интенсивно-перфектной (усиленно-совершенной) совершаемости, относится к совершенному виду и выражает законченность действия, его быстроту и интенсивность [6, с. 223]. От глагола *qu-l'cy-ḡo* с помощью показателя дуративной совершаемости таз. *-mry-* образован непереходный глагол, обозначающий результативное состояние, тур. *qu-l'cy-mry-ḡo* 'умереть, сдохнуть (о звере)'.

Отглагольный непереходный глагол несовершенного вида кет. *qu-kku-gu* 'умереть' образуется с помощью форманта узуальной (обычной) совершаемости *-(k)ku*, который маркирует типичное, регулярно совершаемое, повторяющееся действие, например: Вольд. *tab kužat qu-kku-k, olomdy taḡ mazekadyt* 'Он (шаман) когда умрет, его голову отрезают'.

Отглагольный непереходный глагол несовершенного вида об. ш., ч. *qu-šru-gu* 'умирать, погибать' образован с помощью показателя *-(e)špə-*, функцией которого является участие в формировании видовых пар: суффикс *-(e)špə-* образует глаголы несовершенного вида от глаголов совершенного вида. По мнению Н. Г. Кузнецовой, показатель *-(e)špə-* является универсальным показателем процесса на синхронном срезе [7, с. 30, 32]. Приведем примеры: Вольд. *tab qušpa, kun ellap poledešpat* 'Он умирает, у людей души глотает'; Ласк. *tab aβgalk kušpa* 'Он с голоду (букв. без еды) умирает'.

Отглагольный непереходный глагол дуративной (длительной) совершаемости таз. *qu-mry-ḡo* 'умирать (долго)' образован с помощью показателя дуративной совершаемости таз. *-mry-*. В данном глаголе подчеркивается протяженность действия во времени; он входит в состав устойчивого словосочетания таз. *apsḡo qumryḡo* 'голодать (букв. за еду умирать)', например: таз. *āsāny qulā pūlä man apsḡo qumpak* 'После того как мой отец умер (букв. 'моего отца умерши'), я голодаю'.

Непереходный глагол несовершенного вида таз. *qu-nty-ḡo* образуется с помощью показателя имперфектной совершаемости *-nty-* (суффикс используется после большинства односложных основ на гласный). Глаголы имперфектной совершаемости выражают незаконченность, неисполненность действия; в них содержится указание либо на промежуточную стадию совершения действия, либо на неосуществленное намерение его совершить.

Переходный глагол совершенного вида об. с. *qū-gu-pty-gu* 'умертвить, убить' образован с помощью селькупского транзитивирующего (образующего переходные глаголы от непереходных) суффикса *-pty-*. Переходные дериваты на *-pty-* соотносимы как с глагольными, так и с именными основами, ср: кет. *qondeptygu* 'усыпить' (*qondugu* 'спать'), *illyptygu* 'оживить' (*illygu* 'жить').

Рассмотрим образование селькупских имен словообразовательного гнезда со значением 'смерть'.

В образовании имени со значением 'умирание' участвует суффикс *-ptä*. Этот суффикс служит для образования в селькупском языке абстрактных существительных, образованных от глагольных и глагольных/именных основ [7, с. 209]. В тазовском диалекте глагольное имя со значением 'умирание' образуется с помощью суффикса *-ptä* от глагола имперфектной совершаемости *qu-nty-ḡo*: таз. *qu-nty-ptä* 'умирание'; *asyli quptäqyt qaj topsyty?* 'Ваш отец, когда умирал (букв. в умирании) что сказал?'; от глагола дуративной совершаемости *qu-mry-ḡo*: таз. *qu-mry-ptä* 'умирание'. В тазовском диалекте и в туруханских говорах глагольное имя со значением 'умирание' может быть образовано от глагола интенсивно-перфектной совершаемости *qu-l'cy-ḡo*:

таз., тур. *qu-l'cy-ptä* 'умирание', например: тур. *tara assy qul'čyptä, mačonty suryllä kolläk* 'Пока не умер, в лес схожу поохотиться'.

В туруханских говорах имеется отглагольное имя тур. *qug-ola-psä/quk-ola-psä* 'умирание'. Возможно, в нем заключено инхоативное значение, которое выражается посредством сочетания инфинитива со вспомогательным глаголом *olamqo* 'собраться, начать' (типа *ilyqolapsak* 'я начал жить') [6, с. 228].

Глагольное имя таз. *qu-ky*, нар. *qū-yi* по форме совпадает с глаголом в значении 'умереть'. Судя по примерам, оно употребляется только в составе послеложных конструкций в генитиве: в сочетании с послелогом *tetty* 'до (какого-то времени)', например: таз. *ūcysak qukyny tetty* 'Я работал до (самой) смерти' [6, с. 253]; в сочетании с послелогом *žak*, например: *qūyyn žak* 'до смерти' [7, с. 212].

Имя существительное таз. *qurta* 'смерть' образуется от глагольной основы с помощью суффикса места действия *-ma/-mo*, который в настоящее время мало продуктивен [6, с. 339–340], например: таз. *nenyqat qurmo* 'смерть комара' (Tod der Mücke); *mat qurmomi tūnta* 'Моя смерть пришла' (Mein Tod ist gekommen). Восприятие смерти как части пространства характерно не только для селькупов, но и для других уральских народов. В языке сынских хантов, например, *сорма* 'смерть', *сорма нитас* 'в смерть попал' – говорят об умершем, т. е. человек, умирая, попадает в некую зону, пространство. *Сормау лота нитмем хорни* 'как будто попал в место смерти'. Таким образом, понятие *сорм* имеет значение «локализованное место» [8, с. 110]. Вероятно, селькупское слово *qurta* семантически коррелирует с приведенным хантыйским словом.

Восприятие смерти как определенной части пространства подтверждается и традиционным мировоззрением селькупов, на основании которого выделяется определенное место, где именно обитают мертвые существа – нижний мир. В вертикальной картине мира селькупов верхним миром является небо, средним – обжитая людьми земля, нижним – подземелье. Нижний мир соотносится со смертью, злом и темнотой. Смерть и нижний мир органично связаны в селькупском фольклоре и мифологии [9].

Рассмотрим далее образование форм адъективной и адвербиальной репрезентации глагола *kugu*.

Причастие настоящего времени таз. *quntytyl'*, 'sterbend' (умирающий) образовано в тазовском диалекте от глагола несовершенного вида с помощью показателя *-(n)tyl'*, например: *apsytqo quntytyl' qumyt* 'с голоду умирающие люди' (vor Hunger sterbende Leute); *quntytyl' qip* 'умирающий человек' (der sterbende Mensch).

Причастия прошедшего времени различаются в зависимости от диалекта. В туруханских говорах

отмечены причастия тур. *кульчимпыль* 'умерший, мертвый'. В тазовском диалекте значение 'мертвый, умерший, сгнивший' может передаваться причастием *qupyl'* (gestorben, verreckt). На юге зафиксированы следующие причастия прошедшего времени: УО *kumbidi*, об. с., об. ш. *qubi, qubə*; об. ч., вас., тым. *qubyl*, ел. *kupuj* 'мертвый, умерший'. Все эти причастия передают завершившееся действие и следующее за этим действием состояние. Их можно рассматривать и как отглагольные прилагательные.

Форма причастия *kubi* связана, по мнению Е. А. Хелимского, с архаичным суффиксом причастия *(*-(m)pəj)*, который в глагольной парадигме выступает как *-(m)быди (*-(m)pətəj)* [10, с. 99]. Она участвует в образовании составного наименования *kubi qum* 'мертвый человек, покойник'. Форма причастия *kupuj* образует форму субстантивной репрезентации путем присоединения частицы *-m(y)-*: ел. *kupijm* 'мертвец'. Таким образом, происходит двойная деривация по категории репрезентации: основа глагола → адъективная (адвербиальная) репрезентация → субстантивная репрезентация.

Приведем примеры употребления вышеназванных селькупских причастий: тур. *кульчимпыль ämā* 'мертвый олень'; Вольд. *qubil qunnan elladi id'etko ed'ekuk* 'У мертвого человека душа в паука превращается'; *čumyl'qun aya kojadyt qajyyn qubyl qudup elle penbadyt* 'Чумылькupy не ходят туда, где умерших людей похоронили'; *na kut kubyl kudyp neyundy takkylbadyt, ukkyrmandy pakkylbadyt* 'Эти люди мертвых людей собрали, вместе закопали'; Ив. *qubi qβel* 'мертвая рыба'; таз. *qupyl' qely* 'сгнившая рыба' (verreckter Fisch); УО *taβ ade ilandi tona kubi* 'Этот олень живой, тот мертвый'; *tep manzembra kubi irranda* 'Она смотрит на умершего сына'; *taβ qwely ilandi ali qubi* 'Эта рыба живая или мертвая?'; Ласк. *tabla tömbat kučat kubyl qula eppat* 'Они пришли (туда), где мертвые люди лежат (собств. на кладбище)'.

Формами адвербиальной репрезентации глагола *kugu* следует считать две деепричастные формы: простое деепричастие на *(*)-lä* и деепричастие предшествования, которое представляет собой сочетание простого деепричастия с частицей *pülä*. Простое деепричастие на *(*)-lä*, образованное от глагола *kugu*, в предложении выступает аналогом русских атрибутивных форм: тым. *kašej qui-l'e al'ča* 'Кашей мертвый (букв. умерши) упал' [7, с. 194].

Судя по примерам, в тазовском диалекте простое деепричастие может быть образовано от переходного глагола несовершенного вида *quntyo* путем присоединения к глагольной основе аффикса *-lä*, например: таз. *nöty quntyo-lä tūña* 'До изнеможения (букв. умирая) плывет'.

Деепричастие предшествования представляет собой сочетание простого деепричастия с частицей

pülä. Приведем примеры употребления деепричастия предшествования в предложениях: таз. *äsäny qu-lä pülä, man apsqo qumpak* ‘После того как мой отец умер (букв. моего отца умерши), я с голоду (букв. за еду) умираю’; Нельм. *kužan audy kumba, aundo kumb-lä bulä, n’edym madym megymbat* ‘Когда мать умерла, после того как мать-ее умерла (букв. умерши), дочь дом продала’. Отглагольные образования, оформленные показателем *-lä + pülä*, имеют значение законченности действия независимо от видового значения производящей основы. В приведенных примерах выражается следование главного события за событием, передаваемым деепричастной формой [7, с. 196].

В кетском диалекте встречается форма деепричастия *ku-leβle*. Например: Зуб. *kuleβle tep kβedyssat šid imd* ‘Умерев, он оставил два сына’.

Показатель *leβle* по-разному этимологизируется исследователями. Например, Н. М. Воеводина этимологизирует *-lebele/-leβle* как *-le + püle (> -lepule > -lepyle > -lebele > -leβyle > -leβle)*, где *püle (pülä)* – послелог, восходящий к застывшей форме простого деепричастия. Таким образом, данный показатель представлен как развившийся в результате устранения аналитизма [11, с. 53].

А. Йоки также выбирает форму *-bele* у М. А. Кастрена в качестве источников для *mylä* и *pulä*, являющихся по своему происхождению герундиальными формами [12, с. 178–179]. П. Хайду связывает показатель *-leβle* с формой герундия II на *-rele*, существование которого подтверждается, по его мнению, данными кетского диалекта [13, с. 21–28].

Таким образом, словообразованию принадлежит чрезвычайно важная роль в понимании особенностей культуры селькупского этноса. Анализ словообразовательного гнезда со значением ‘смерть’ выявил достаточно большое количество его элементов, что свидетельствует о его большой активности в языковом узусе.

Наличие большого количества глаголов в анализируемом словообразовательном гнезде показывает восприятие смерти как некоего действия, процесса. Образование имен со значением ‘смерть’ с помощью суффикса *-ku(-gu-)* может также свидетельствовать о восприятии смерти как некоего процесса, поскольку данные суффиксы предназначены для образования глаголов. Модификация лексического значения глагола *qigu* с помощью суффиксов совершаемости (способа действия), возможность образования различных совершаемостей позволяют выявить следующие семантические параметры, соответствующие признакам концепта ‘смерть’:

1) ‘быстрота и интенсивность смерти’: такой способ действия выражает непереходный глагол интенсивно-перфектной совершаемости кет. *qu-l’di-gu* ‘умереть мгновенно, сдохнуть’;

2) ‘протяженность во времени, длительность’, что выражается непереходным глаголом дуративной совершаемости *qu-tpu-qa* ‘умирать (долго)’;

3) ‘типичность, регулярность’, что выражается непереходным глаголом совершенного вида кет. *qu-ku-gu* ‘умереть’, образованным с помощью форманта узальной (обычной) совершаемости;

4) ‘процессуальность’, выражается существованием в языке глагола несовершенного вида об. ш., ч. *qu-špa-gu* ‘умереть’;

5) ‘массовость’, о чем свидетельствует наличие непереходного глагола мультисубъектной совершаемости таз. *qu-qylöly-qa* ‘поумирать (многим)’;

6) ‘локальность’ – этот признак подтверждается образованием от глагольной основы с помощью суффикса места действия *-ta/-to* имени *qurta* ‘смерть’;

7) ‘абстрактность’ – данный признак подтверждается участием в образовании имени со значением ‘умирание’ суффикса *-ptä*, маркирующего в селькупском языке абстрактные существительные, образованные от глагольных и глагольных/именных основ.

Список сокращений

вас. – васюганский диалект селькупского языка, Вольд. – Вольджа, ел. – елогуйский говор селькупского языка, Зуб. – Зубреково, Ив. – Иванкино, кет. – кетский диалект селькупского языка, Ласк. – Ласкино, Нельм. – Нельмач, нен. – ненецкий язык, об. ч. – говор обских чумылькупов, об. ш. – говор обских шешкупов, об. с. – говор обских сюзсюкумов, таз. – тазовский диалект селькупского языка, тым. – тымский диалект селькупского языка, тур. – туруханский говор селькупского языка, УО – Усть-Озерное, ЮШ – Юрты Широкова.

Список литературы

1. Быкова Г. В. Лакуны как явление языка и речи // Филологические записки. Воронеж, 2001. Вып.1. С. 183–196.
2. Агаркова Н. Э. Концепт ‘деньги’ как фрагмент английской языковой картины мира (на материале американского варианта английского языка): дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 2001. 171 с.
3. Новикова Н. А. Концептуальная диада ‘жизнь-смерть’ и ее языковое воплощение в русской фразеологии, паремиологии и афористике: дис. ... канд. филол. наук. Череповец, 2003. 190 с.
4. Хо Сон Тэ. Концепты ‘жизнь’ и ‘смерть’ в русском языке: дис. ... канд. филол. наук. М., 2001. 219 с.

5. Вендина Т. И. Этнолингвистика, аксиология и словообразование // Слово и культура. Памяти Н. И. Толстого. М.: Изд-во Индрик, 1998. Т. 1. С. 39–48.
6. Кузнецова А. И., Хелимский Е. А., Грушкина Е. В. Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект. М.: Изд-во МГУ, 1980. Т. 1. 408 с.
7. Кузнецова Н. Г. Грамматические категории южноселькупского глагола. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1995. 285 с.
8. Талигина Н. М. Обряды жизненного цикла у сынских хантов. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. 176 с.
9. Тучкова Н. А. и др. Мифология селькупов. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2004. 382 с.
10. Helinski E. The Language of the First Selkup Books // Studia uralo-altaica. Helsinki, 1983. 268 p.
11. Воеводина Н. М. О деепричастии на -ле в селькупском языке // Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Томск: Изд-во ТГПИ, 1977. С. 58–61.
12. Künnap A. System und Ursprung der Kamassischen Flexionssuffixe. II. Verbalflexion und Verbalnomina. Helsinki, 1978. 164 S.
13. Hajdú P. Das sölkupische Translativsuffix -wlä // FuF CL, Helsinki, 1973. S. 20–28.

Байдак А. В., кандидат филологических наук, доцент.

Томский политехнический университет.

Пр. Ленина 30, Томск, Томская область, Россия, 634050.

E-mail: aleksandrabaydak@mail.ru

Материал поступил в редакцию 31.05.2010.

A. V. Baydak

THE ANALYSIS OF WORD-BUILDING UNIT WITH THE MEANING “DEATH” IN SELKUP

In this article the linguistic analysis of the word-building unit “death” in Selkup dialects is performed. The author suggests that the word-building perfectly reflects cultural features of the concept “death.”

Key words: *word-building, concept “death”, Selkup dialects.*

Tomsk Polytechnic University.

Ul. Lenin, 30, Tomsk, Tomsk oblast, Russia, 634050.

E-mail: aleksandrabaydak@mail.ru